

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА.

Глава пятая *).

Учебные годы.

Бабушка Юлія Федоровна Розова не щадила заботъ и средствъ на наше воспитаніе. Когда мнѣ пришло время поступать въ гимназію, приглашены были опытные преподаватели для подготовленія меня къ экзаменамъ. Съ діакономъ изъ вдовьяго дома проходилъ я курсъ Закона Божія, съ А. П. Кандиновымъ занимался ариѳметикой, географіей и исторіей; съ А. Н. Монастыревымъ—Русскимъ и Латинскимъ языками; уроки Французскаго языка давала мнѣ м-ме Vouyoux, а Нѣмецкій преподавала сама бабушка. Домъ ея въ Скатертномъ переулкѣ обратился за это время въ подобіе школы, и на нашихъ занятіяхъ сосредоточивалось вниманіе нашей воспитательницы. Я учился старательно, хотя не отличался особенными способностями; сестра моя Еничка, напротивъ, показывала менѣ прилежанія, но быстрѣ усваивала то что заучивала: вообще она была живѣе, здоровѣе и крупнѣе меня. Мы поступили въ учебныя заведенія почти одновременно. Я во второй классъ V классической гимназіи, которая тогда помѣщалась на Пречистенкѣ, въ зданіи 1-й гимназіи, и только на другой годъ послѣ моего поступленія перевелась на уголъ Поварской и Молчановки, у Арбатскихъ воротъ; сестра Еничка въ тотъ же годъ поступила въ женскую гимназію Министерства Народнаго Просвѣщенія близъ Страстнаго бульвара, гдѣ начальницей была здравствующая понынѣ Надежда Ивановна Соцъ. Оба мы были приходящими, такъ какъ послѣ неудачнаго

*) Первые главы этихъ Воспоминаній см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1908 (5), 1909 (5), и 1910 (8). П. Б.

опыта съ собственнымъ сыномъ Константиномъ Александровичемъ Розовымъ, бабушка Юлія Ѳедоровна и слышать не хотѣла о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; да она и не согласилась бы разстаться съ нами.

Я поступилъ въ гимназію въ 1869 году, когда приходящіе ученики не носили еще мундировъ; форма наша состояла изъ черной суконной двубортной тужурки съ синими петличками на воротникѣ; къ этому полагался черный галстухъ военнаго покроя, черныя длинныя брюки и фуражка также черная съ синимъ суконнымъ околышемъ. Красивая и удобная для дѣтскаго возраста форма эта продержалась однако не долго; первымъ нововведеніемъ явилась замѣна столь обрусѣвшаго головного убора, какъ картузь, безобразнымъ и холоднымъ зимой Французскимъ кѣпи, а затѣмъ, когда я перешелъ въ четвертый классъ, просторныя тужурки наши замѣнились узкими синими мундирами съ стоячимъ воротникомъ и серебряными пуговицами. При этомъ не догадались ввести для занятій болѣе просторное платье, и мы просиживали отъ 9 до 3 часовъ (т. е. по 6 часовъ подъ рядъ) въ наглухо застегнутыхъ мундирахъ съ подпиравшимъ подбородокъ стоячимъ воротникомъ, который обшитъ былъ серебрянымъ галуномъ. Трудно придумать болѣе непрактичную, неэкономную и вредную для подросткаго возраста одежду. Неудачной „формой“ цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, затянутыхъ въ гимназическіе мундиры съ утра до вечера, обречено было на узкогрудость, сутуловатость и худосочіе. Въ гимназіи училось немало мальчиковъ, не имѣвшихъ средствъ шить себѣ ежегодно новый мундиръ; нѣкоторые воспитанники носили свой мундиръ два, три года, искусственно препятствуя, такимъ образомъ, развитію грудной клѣтки и плечъ. Не этимъ ли объясняется, что мои современники такъ отстали въ физическомъ (а можетъ быть, и въ иномъ отношеніи) отъ предыдущихъ поколѣній?

Вообще мы любимъ часто мѣнять формы одежды, унаслѣдовавъ, вѣроятно отъ Петровскихъ временъ, убѣжденіе, что съ перемѣной этикета, обложки, мѣняется и сущность. Но, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ образовательный и умственный уровень не измѣнился къ лучшему отъ вновь введенной при гр. Д. А. Толстомъ формы, какъ не поднялась охота къ изученію Греко-латинскихъ классиковъ отъ послѣдовавшей въ 1871 году перемѣны гимназическихъ программъ. Достойно замѣчанія, что наши отцы, кончившіе среднюю школу въ сороковыхъ годахъ при старыхъ программахъ, охотнѣе чѣмъ мы занимались чтеніемъ древнихъ писателей и лучше понимали ихъ; среди сверстниковъ моего отца можно найти лицъ, не только свободно пи-

савшихъ, но и говорившихъ полатыни по окончаніи одного гимназическаго курса. Такъ называемая „классическая“ реформа графа Толстого застала меня въ четвертомъ классѣ и еще болѣе убѣдила, по личному опыту, что задуманная съ явно политическими задачами реформа не только не достигла цѣли, но способствовала пополненію рядовъ революціи. Непомѣрное увеличеніе программныхъ требованій по древнимъ языкамъ, въ ущербъ изученію отечественнаго языка и отечественной исторіи; недовѣріе къ педагогическому персоналу и введеніе формалистики въ экзамены повели къ тому, что менѣе способные или менѣе приспособляющіеся ученики начали отставать уже въ среднихъ классахъ и потомъ постепенно выталкивались изъ гимназіи на улицу. Особенно замѣтно было это грустное явленіе въ первые года примѣненія Толстовскихъ строгостей. Въ 1876 году изъ 36 учениковъ, поступившихъ со мной во второй параллельный классъ пятой гимназіи, до восьмага класса дошло только 5 человѣкъ! Прочіе частью отстали въ другихъ классахъ, а частью повышли изъ гимназіи, не одолѣвъ „Курціуса“ и „срѣзавшись“ на „экстемпорале“.

Насколько мнѣ помнится, въ моемъ классѣ не было ни одного ученика, который занимался бы охотно изученіемъ древнихъ языковъ, что объясняю себѣ, главнымъ образомъ, дурно составленной схоластической программой, направленной не на литературную сторону, а почти исключительно на грамматическую. Изучался не безсмертный духъ классиковъ, не пластика ихъ, а анатомическое строеніе ихъ слога и начертанія по рецептамъ нѣмецкихъ шульмейстеровъ. Другая причина всеобщей не любви къ древнимъ языкамъ крылась въ крайне недостаточномъ подборѣ преподавателей.

Но, въ этомъ отношеніи я долженъ оговориться: у насъ въ гимназіи былъ одинъ весьма выдающійся преподаватель Греческаго языка, Болгаринъ Ксенофонтъ Ивановичъ Жинзифовъ. Едва ли есть такая другая область человѣческой дѣятельности, гдѣ требовалось бы больше таланта, призванія и любви, какъ въ дѣятельности педагогической. Къ сожалѣнію, обыкновенно преподаватели принадлежатъ у насъ, по степени даровитости, къ среднему уровню, вѣроятно потому, что трудъ педагоговъ плохо оплачивается. Но за то, если между ними найдется одинъ истинно-даровитый, то онъ творитъ чудеса: ученики ловятъ каждое его слово и подчиняются его обаянію. Тогда нѣтъ способныхъ и неспособныхъ, внимательныхъ и разсѣянныхъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ: весь классъ, какъ одинъ человѣкъ. Такимъ рѣдкимъ даромъ педагога-учителя въ лучшемъ значеніи слова обладалъ К. И. Жинзи-

фовъ. Онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ въ Славянофильскомъ кружкѣ, какъ горячій сторонникъ освобожденія Славянъ отъ Турецкаго ига. Поэтъ, ораторъ и писатель, Жинзифовъ горѣлъ постоянно какимъ-то внутреннимъ вдохновеніемъ и умѣлъ дѣйствовать на окружающихъ своей неподдѣльной восторженностью. Самая внѣшность его тому способствовала: сухой, угловатый, съ темнымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, черными, горящими глазами и шапкою жесткихъ черныхъ волосъ, Жинзифовъ смотрѣлъ отчаяннымъ головорѣзомъ. Его громовый голосъ, порывистая рѣчь, рѣзкія движенія въ первую минуту внушали недо-вѣріе, но скоро это чувство смѣнялось у насъ, его учениковъ, не только уваженіемъ и любовью, но даже поклоненіемъ. Это былъ чело-вѣкъ добрѣйшаго сердца, благородный, прямодушный, готовый на всякое самопожертвованіе. Свои заработки онъ посылалъ домой угне-теннымъ своимъ сородичамъ, оставляя себѣ лишь столько, чтобы жить одинокимъ въ маленькой комнаткѣ, въ домѣ діакона церкви Федора Студита, чтѣ у Никитскихъ воротъ.

Жинзифовъ былъ отличнымъ знатокомъ Греческаго языка, вели-колѣпно читалъ Гомера и переводилъ его намъ бѣгло, часто рифмуя строфы стихами. Его уроки сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наслажденіемъ: мы стали впервые догадываться, почему Гомеромъ восхищаются и какая въ немъ кроется прелесть. Къ сожалѣнію, Жин-зифовъ преподавалъ намъ только въ двухъ старшихъ классахъ VII и VIII-мъ, вообще не долго оставался въ V-ой гимназій, откуда скоро вышелъ по какимъ-то неприяностямъ. Говорили, будто начальство округа смотрѣло неодобрительно на его политическую дѣятельность въ Славянскомъ Комитетѣ, находя ее не совмѣстимою съ обязанностью педагога. Какъ извѣстно, въ 1878 г. послѣ Берлинскаго конгресса, и самъ пресѣдатель Славянскаго Общества Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ высланъ изъ Москвы.

Не меньшей любовью и уваженіемъ пользовался у насъ другой нашъ преподаватель, Егоръ Васильевичъ Бѣлявскій, обучавшій насъ въ старшихъ классахъ Русской словесности. Е. В. Бѣлявскій былъ чело-вѣкъ весьма замѣчательный. Онъ соединялъ съ строгимъ, крити-ческимъ умомъ, твердый, спокойный характеръ и рѣдко внушительную внѣшность. Отечественный языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Крайне взыскательный и неумолимо строгій, Егоръ Васильевичъ вносилъ въ преподаваніе своего предмета нравственный элементъ, дѣйствуя на насъ не только своими глубокими литературными познаніями, ясною логикою ума и образнымъ словомъ, но и своею личностью. Въ немъ

чувствовался сильный, крупный человекъ, хорошо уравновѣшенный и обладающій неисчерпаемымъ запасомъ спокойнаго, здраваго смысла. Все искусственное, неискреннее, надуманное и напыщенное было ему противно; всякій дешевый успѣхъ, всякій зазывъ осуждались имъ въ литературѣ, какъ недобросовѣстность и грубая пошлость. Онъ привилъ намъ свой вкусъ къ простотѣ слога, къ ясности мысли и безыскусственности; онъ училъ насъ читать и стихи такъ, какъ прозу, отнюдь не на распѣвъ, что всегда смѣшно, если читающій не обладаетъ артистическимъ умѣньемъ владѣть своимъ голосомъ, а это дается рѣдко даже завзятымъ искусникамъ чтецамъ. Разбирая передъ классомъ наши ученическія сочиненія, Бѣлявскій научилъ насъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, разбирать каждый оборотъ рѣчи. Онъ бичевалъ ѣдкими замѣчаніями неудачныя или неуклюжія выраженія нашихъ письменныхъ работъ и особенно высмѣивалъ въ нихъ всякую фальшь, туманность, ходульность и расплывчивость; онъ прежде всего требовалъ правды и простоты. Любимыми его писателями были Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій, произведенія которыхъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Мы очень любили его уроки, хотя тотъ изъ насъ, сочиненіе котораго онъ читалъ въ классѣ, готовъ былъ иногда провалиться сквозь полъ отъ его насмѣшливой критики, которая была не сухимъ разборомъ ученической прозы, а настоящимъ испытаніемъ умственнаго и нравственнаго уровня ученика, своего рода examen de conscience. Ни одинъ изъ преподавателей V-й гимназіи, ни почтенный нашъ директоръ Н. О. Эминъ, ни даровитый учитель математики (онъ же инспекторъ) Дм. Фед. Назаровъ не имѣли такого вліянія на учениковъ, какъ Бѣлявскій; но онъ никогда не пользовался этимъ для личныхъ цѣлей или для снисканія себѣ извѣстности: такая мелочность была не въ его честной натурѣ. Я былъ счастливъ считать себя въ числѣ его лучшихъ учениковъ и если я вынесъ какія либо дѣйствительныя познанія изъ гимназическаго курса, то это главнымъ образомъ по его предмету. Изъ его рукъ мы вышли „грамотными“, и въ этомъ его великая заслуга.

По лицу Е. В. Бѣлявскій походилъ на Льва Толстого, но былъ громаднаго роста, прямой и широкоплечій. Егоръ Васильевичъ имѣлъ видъ настоящаго „наставника“. Спокойный взглядъ изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей, блѣдное, рѣдко улыбавшееся лицо, окаймленное широкою бородой, густые назадъ откинутые волосы, низкій голосъ, медлительныя движенія и неспѣшная походка: все въ немъ давало невольно чувствовать сильную, недюжинную личность. Мы не смѣли и подумать поболтать или пошалить у Егора Васильевича на урокѣ. Онъ никогда не волновался и не сердился, никогда не возвышалъ

голоса, но страшно было и подумать, что онъ можетъ разсердиться или обидѣться нашимъ невниманіемъ: мы сидѣли, не сводя съ него глазъ и ловили каждое его слово.

Е. В. Бѣлявскій былъ впоследствии директоромъ Рижской гимназіи и закончилъ служебную дѣятельность въ качествѣ члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Онъ скончался въ 1906 г. и похороненъ въ С.-Петербургѣ. Послѣ него остался замѣчательный трудъ подъ заглавіемъ: *„Поль-въка педагогической дѣятельности“*.

Было бы несправедливо умолчать, что предшественникъ Е. В. Бѣлявскаго въ преподаваніи намъ Русскаго языка, давшій намъ первый толчекъ къ сознательности, былъ извѣстный Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, сочинитель столь распространенной грамматики Русскаго языка (онъ занимался съ нами еще во второмъ классѣ). Какъ теперь вижу его высокую, худую фигуру, въ форменномъ вицъ-мундирѣ и свѣтло-сѣрыхъ брюкахъ, шагающую по классной комнатѣ; бросая на насъ, малышей, добродушные взгляды сверхъ круглыхъ, синихъ очковъ, Александръ Ивановичъ терпѣливо диктовалъ намъ изъ своей книги разныя мудренныя по правописанію фразы, въ родѣ: „наѣздникъ подѣхалъ къ подѣзду“ или: „Товарищъ, дай мнѣ плащъ и мечъ“ и т. п. Онъ первый заставлялъ насъ думать и первый вдохнулъ въ насъ любовь къ родному слову и его творцамъ. Кирпичниковъ былъ отличнымъ чтецомъ и прекрасно читалъ намъ басни Крылова.

Въ честь А. И. Кирпичникова я сочинилъ шуточный диктантъ въ стихахъ на букву Ъ, который начинался такъ:

Бѣдный, блѣдный, бѣлый бѣсъ
Отъ сѣдой свирѣпой вѣдьмы
Побѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ;
Вѣрно, вѣшатся хотѣлъ
Ужъ на вѣтвь покрѣпче сѣлъ,
Да замѣтилъ въ далеки
Бѣлку рѣвую въ гнѣздѣ и т. д.

Совершенный контрастъ Жинзифову. Кирпичникову и Бѣлявскому представлялъ преподаватель латинскаго языка Владимиръ Григорьевичъ Зубковъ. Молодой, бѣлокурый, съ вьющимися волосами, розовыми щечками и голубыми глазками, Зубковъ, напоминавшій наружностью вербнаго херувима, не обладалъ ни талантливостью, ни характеромъ педагога. Отличный знатокъ латинскаго языка и самъ составитель толстаго учебника, заимствованнаго у Нѣмцевъ, Зубковъ не вносилъ въ свое преподаваніе той искры Божіей, которая только и можетъ жи-

вить столь сухую матерію, какъ изученіе мертваго языка. Между тѣмъ Зубковъ главной своей цѣлью ставилъ преподаваніе намъ разныхъ грамматическихъ тонкостей, въ родѣ наприм., различіе между „*ut consecutivum*“ и „*ut finale*“. Чтеніе классиковъ было отодвинуто имъ на второй планъ: мы твердили Энеиду, переводили съ грѣхомъ пополамъ рѣчи Цицерона и оды Горация, но Зубковъ не останавливалъ нашего вниманія на художественныхъ красотахъ Римской литературы и еще менѣе знакомилъ насъ съ философской основой Римскаго просвѣщенія. Главною задачею его было выполнить программу, вкropить въ нашу память нѣсколько десятковъ выдуманныхъ Нѣмецкими шульмейстерами грамматическихъ правилъ. Большую часть времени мы проводили въ изученіи неправильныхъ глаголовъ, прибѣгая для этого нерѣдко къ механическому приему запоминанія. Напр., чтобы выучить глаголы: *necto, divido, claudio, caedo, vado, ludo*, нужно было запомнить глупую фразу: „нѣкто дѣвица Клавдія цѣдила воду людямъ“. Не мало мучилъ насъ Зубковъ и писаніемъ „экстемпорале“. Бывало сидишь, согнувшись надъ партой, передъ листомъ бумаги и стараешься возможно вычурнѣе изложить на латинскомъ языкѣ тяжеловѣсныя фразы, которыя диктуетъ намъ Зубковъ изъ своего учебника. „Сыновьямъ Тарквинія былъ данъ изъ глубины пещеры оракулъ“, или „Катилина вонзилъ Цицерону мечъ въ бокъ“, или „я не сомнѣваюсь, что буду подвергнутъ остракизму“, и т. п. Увы, надо сознаться, что труды В. Г. Зубкова пропали у насъ даромъ: мы не научились ни писать по латыни, ни понимать Цицерона въ подлинникѣ, а въ стихахъ Вергилія не всегда соблюдали „цезуру“ и плохо отличали „*prothesis*“ отъ „*apothoeisis*“, и это при 8 часовыхъ урокахъ въ недѣлю. Безъ сомнѣнія, если бы латинскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ по системѣ изученія живыхъ языковъ, то мы всѣ бы, вѣроятно, свободно говорили по латыни на 8-ой годъ, но мы ограничивались прохожденіемъ министерской программы...

Не могу умолчать также о нашемъ молодомъ преподавателѣ естественной исторіи Василіи Ѳедоровичѣ Ошанинѣ, у котораго мы проходили курсъ зоологіи во II-мъ классѣ и ботаники въ III-мъ. В. Ф. Ошанинъ умѣлъ заинтересовать насъ своимъ предметомъ, и можно было только пожалѣть, что самостоятельное преподаваніе естественной исторіи было оставлено при введеніи, по программѣ графа Д. А. Толстого, усиленнаго „*repsum*“ древнихъ языковъ. В. Ф. Ошанинъ тогда же оставилъ V-ю гимназію и предался вполне научной дѣятельности. Въ настоящее время онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ Географическаго Общества.

Нужно отдать справедливость нашему гимназическому начальству: оно не сочувствовало учебному плану Толстовской реформы¹⁾. Особенно слѣдуетъ это сказать про почтеннаго директора V гимназіи Н. О. Эмина²⁾, который самъ былъ извѣстнымъ лингвистомъ.

Когда я, мальчикомъ 14 лѣтъ, впервые увидалъ нашего гимназическаго директора, то, признаюсь, мнѣ стало какъ-то жутко; мы сидѣли въ классѣ у одного изъ любимѣйшихъ нашихъ учителей, преподавателя географіи Андрея Леонардовича Линберга (составителя учебниковъ и атласовъ, по которымъ и понынѣ учатся цѣлыя поколѣнія). А. Л. Линбергъ былъ представителемъ, хорошъ собой и краснорѣчивъ; онъ плѣнялъ насъ своими живописными разсказами о дальнихъ странахъ. Помню, какъ сейчасъ, что онъ, говоря о сѣверной Италіи, въ яркихъ краскахъ описывалъ намъ красоты Венеціанскихъ дворцовъ и каналовъ. Неожиданно дверь отворилась и въ классъ вошелъ вновь назначенный къ намъ директоръ Н. О. Эминъ. Это былъ почти карликъ лѣтъ 60-ти, необыкновенно крупнаго тѣлосложенія, плотный, широкоплечій, съ большой, совершенно лысой, головою, которая кверху суживалась, и съ длинными волосатыми руками. Изъ подъ черныхъ, рѣзко очерченныхъ бровей глядѣли сквозь золотые очки проницательные глаза съ шафрано-желтыми бѣлками; такого же цвѣта широкое лицо съ мясистымъ восточнымъ носомъ, окаймлялось коротко подстриженными сѣдыми бакенбардами; массивный бритый подбородокъ лежалъ на туго накрахмаленномъ воротничкѣ. Директоръ былъ одѣтъ не только чисто, но изысканно, въ свѣжій вицъ-мундиръ со звѣздой: на глубоко вырѣзанномъ жилетѣ блестѣла золотая цѣпочка часовъ со множествомъ брелоковъ, которые звенѣли при каждомъ его движеніи. Медленно войдя въ классъ и слегка кивнувъ намъ головою, онъ сѣлъ на пододвинутый ему стулъ и рѣзкимъ носовымъ голосомъ сказалъ смущенному Линбергу: „Прошу продолжать“. Мы притихли и съ любопытствомъ смотрѣли на страшнаго посѣтителя. Особенно поражала непропорціональность его роста и фигуры, его смуглый южный цвѣтъ кожи, тонкія, едва очерченныя губы и длинные, загнутые внутрь, какъ у хищной птицы, острые ногти. Но когда мы ближе узнали Никиту Осиповича, то поняли, что при своей необыкновенной, наводящей

¹⁾ Выраженіе не совсѣмъ точное: творцемъ этой реформы былъ П. М. Леонтьевъ, товарищъ (по Дворянскому Институту) графа Д. А. Толстаго. П. Б.

²⁾ Н. О. Эминъ не былъ счастливъ въ жизни семейной. Онъ рано лишился жены своей (дочери Московскаго оберполиціеімейстера Шульгина), а единственный сынъ ихъ повредился въ умѣ. Скончался Эминъ 13 Декабря 1890 г. и погребенъ на Армянскомъ въ Москвѣ кладбищѣ.

ужась внѣшности, онъ обладалъ золотымъ сѣрдцемъ и благороднымъ, въ высшей степени справедливымъ характеромъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ джентельменъ, хотя замкнутый и холодный, но въ глубинѣ души добрѣйшій и благожелательный. Лично я вспоминаю Н. О. Эмина съ чувствомъ искренней благодарности. Онъ много содѣйствовалъ успѣшному окончанію мною курса гимназіи; изъ его рукъ я получилъ, при переходѣ въ университетъ, золотую медаль; „Преуспѣвающему“.

Всю свою долгую жизнь посвятилъ Эминъ филологической наукѣ, и въ мірѣ востоковѣдовъ извѣстенъ, какъ отличный знатокъ древней Армянской исторіи и словесности. Предметъ этотъ онъ читалъ въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, гдѣ былъ ординарнымъ, а потомъ заслуженнымъ профессоромъ. Уже будучи въ университетѣ, я и нѣкоторые мои товарищи посѣщали иногда Н. О. Эмина и вели съ нимъ бесѣды объ университетской жизни и научныхъ предметахъ. У него была огромная историко-филологическая бібліотека, изъ которой мы, съ его разрѣшенія, пользовались рѣдкими книгами.

Пятую гимназію часто посѣщало высшее учебное начальство. Когда я поступилъ во 2-й классъ, попечителемъ округа былъ князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Онъ былъ великъ ростомъ, тученъ и важенъ, пріѣзжалъ къ намъ на утренніе уроки въ виць-мундирѣ, въ звѣздахъ, съ орденомъ на шеѣ, и заходилъ во все классы. Его сильно побаивались, хотя онъ, кажется, былъ очень смиреннымъ человѣкомъ. Его сановитая фигура, большое, бритое, нахмуренное лицо съ оттопыренными губами и густой голосъ устрашали насъ, и нашихъ учителей и надзирателей. Рѣже посѣщалъ насъ его помощникъ, князь Николай Петровичъ Мещерскій, высокій, изящный, очень схожій усами, бакенбардами и прическою съ портретами императора Александра Николаевича. Князь Мещерскій также говорилъ басомъ и хмурилъ лобъ, но трепета къ себѣ не внушалъ. Когда я былъ въ V-мъ классѣ, насъ посѣтилъ и самъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. О пріѣздѣ министра узнали въ гимназіи заранѣе и усиленно чистили дверныя ручки, печныя задвижки и оконные приборы, натирали воскомъ полъ, сметали паутину; словомъ, готовились, какъ въ такихъ случаяхъ полагается, достойно встрѣтить начальство. Наконецъ, министръ пріѣхалъ и всехъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали видѣть въ немъ соединеніе величавости Ширинскаго-Шихматова съ изяществомъ князя Мещерскаго, а вмѣсто того увидали невзрачнаго господина средняго роста, худощаваго и сутуловатаго, съ желчнымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица

и жандармскими усами. Особенно неприятно поражали его холодные, безбровые глаза, под которыми висѣли мѣшками складки темной, морщинистой кожи. Министръ былъ въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, съ жемчужными запонками на груди, но безъ орденовъ. Онъ постоялъ у насъ въ классѣ съ минуту, спросилъ глухимъ, сиповатымъ голосомъ, чтѣ мы проходимъ и, пожавъ учителю руку (чего никогда не дѣлалъ кн. Ширинскій-Шихматовъ), шаркнулъ намъ ногою и вышелъ въ сопровожденіи гимназическаго начальства.

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному нашему директору его чрезмѣрно малый ростъ, его какъ изъ желтаго воска вылитый черепъ, его привычка выговаривать слова въ носъ, и пр. служили у насъ въ гимназіи предметомъ безчисленныхъ шутокъ, забавныхъ разсказовъ и болѣе или менѣе фантастическихъ анекдотовъ. Такъ я съ моимъ товарищемъ по классу и другомъ кн. Николаемъ Владимировичемъ Шаховскимъ (впослѣдствіи начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати) сочинили о происхожденіи нашего директора цѣлую легенду въ формѣ драматическаго произведенія, подъ курьезнымъ названіемъ: „Судъ надо мною“. Согласно этой легендѣ, Н. О. Эминъ былъ современникомъ Ноя, помогалъ ему строить ковчегъ, но не попалъ туда за невозможностью подыскать ему пару во всей твари. Однако ему удалось спастись во время всемірнаго потопа въ резиновой галошѣ учителя словесности Е. В. Бѣлявскаго, въ которой онъ переплылъ Индѣйскій океанъ и присталъ, подобно Ною, но не на Араратъ, а на Арбатъ, гдѣ помѣщается пятая гимназія. Здѣсь онъ скрылъ свое происхожденіе и самозванно объявился директоромъ, за каковой проступокъ и былъ привлеченъ къ суду педагогическаго Совѣта. Одноактная драма наша начиналась именно сценою этого судилища, гдѣ свидѣтелемъ являлся самъ Бѣлявскій, а въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировала его громадная, допотопная калоша. Этимъ вздоромъ мы тѣшились, какъ малые дѣти. Здоровые физически и морально юноши, 16—18 лѣтъ, очень склонны выдумывать и говорить всякій вздоръ, чтобы посмѣшить себя и другихъ своей, идущей черезъ край жизнерадостностью. Этотъ веселый переходный возрастъ я и ближайшіе друзья мои и товарищи кн. Николай Шаховской и Александръ Ивановичъ Пелопидасъ переживали въ VI—VIII классахъ гимназіи. Особенно неудержимымъ весельемъ отличался кн. Шаховской. Въ товарищескомъ кружкѣ онъ сыпалъ остротами, шутками и шаржами, иногда довольно нецензурнаго свойства. Съ годами и жизненнымъ опытомъ свойственное юношамъ радостное настроеніе обыкновенно, проходитъ: но у Шаховскаго оно удержалось до зрѣлаго возраста и проявлялось

подъ-часъ въ крайне-забавныхъ формахъ. Въ гимназiи я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на партѣ, а вечеромъ мы часто собирались то у меня, то у него, чтобъ вмѣстѣ готовить уроки. Само собою разумѣется, что ббольшая часть вечера уходила у насъ на болтовню и шуточные импровизаціи въ лицахъ. Начинали какой нибудь фантастическiй рассказъ про гимназическое начальство, настроенiе поднималось, и мы договаривались до такихъ глупостей, что катались со смѣху.

Немало забавляли насъ преподаватели Исторiи Федоръ Эммануиловичъ Будде и учитель Нѣмецкаго языка Николай Омичъ фонъ-Рейссъ. Первый—разъ вздумалъ прочесть намъ, ученикамъ V класса, главу изъ Θукидида по гречески, когда мы лишь съ трудомъ разбирали „Memorabilia“ Ксенофонта. Если бы мы и отлично знали Греческiй языкъ, то и тогда, навѣрное, не поняли бы ни слова изъ того, что читалъ намъ г. Будде, такъ невнятно было его произношенiе, вдобавокъ еще онъ читалъ по „Рехлину“, а мы учились по „Эразму“. Какое же былъ смѣхъ въ классѣ, когда онъ предложилъ одному изъ насъ повторить „своими словами“ прочитанную имъ главу „Исторiи Пелопонесской войны“. Добрый нашъ Нѣмецъ фонъ-Рейссъ былъ чувствителенъ и любилъ читать стихотворенiя Шиллера: а говоря по русски, усвоилъ себѣ привычку кстати и не кстати повторять—фоть (воть) и фитъ (вѣдь). Эти слова онъ вставлялъ и въ Шиллера. Напримѣръ читалъ онъ знаменитый монологъ Марiи Стюартъ такимъ образомъ:

Eilende Wolken.

Segler der Lüfte!

фитъ Wer mit euch wanderte.

фитъ Wer mit euch schiffte!

Наше веселое времяпрепровожденiе не помѣшало намъ, однако, идти первыми учениками, и мы оба, а также другъ нашъ А. И. Пелопидасъ записаны въ V гимназiи на мраморную доску.

Патрiархальное семейство князей Шаховскихъ жило въ то время въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, въ собственномъ домѣ. Оно состояло изъ старика отца-князя Владимира Львовича, матери—княгини Александры Павловны и трехъ сыновей: старшаго Льва, средняго Сергѣя и младшаго Николая. Два старшихъ были студентами Московскаго университета, а младшiй учился со мной въ V гимназiи. Я часто посѣщалъ симпатичный, старозавѣтный особнякъ Шаховскихъ и провелъ въ немъ много прiятныхъ часовъ моей первой юности. Бывало, придешь къ Шаховскимъ часовъ въ 8 вечера и позвонишь у крыльца, во дворѣ, въ старинный подвѣсный колокольчикъ. Дверь отворяетъ

старый слуга Михалычъ, въ потертомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, небритый, взъерошенный, съ небрежно завязаннымъ галстухомъ, но привѣтливый и фамильярно добродушный. Черезъ освѣщенную стѣнными лампами залу и узкій корридоръ поднимаешься по деревянной лѣстницѣ на верхъ, къ молодымъ людямъ. Тамъ, въ уютныхъ, жарко нагрѣнныхъ комнатахъ, живутъ: налѣво—Левъ и Сергѣй, направо въ боковой комнатѣ съ окнами на сосѣдній дворикъ, Николай. Я часто заставалъ его у большого класснаго стола, обитаго черной клеенкой, уткнувшаго близорукіе глаза въ учебники и тетрадки. Но стоило мнѣ показаться на порогѣ, книги летѣли въ уголь и начиналась веселая товарищеская бесѣда, длившаяся иногда до полуночи. Нерѣдко къ намъ присоединялся Пелопидасъ, (прислуга Шаховскихъ переименовала Пелопидаса въ *Пилософа*), и разговоръ нашъ принималъ болѣе серьезный характеръ. Толковали о литературѣ, строили планы будущаго. Уже въ VII классѣ было рѣшено, что я поступлю на юридическій факультетъ, князь Шаховской на словесный, а Пелопидасъ на медицинскій. Такъ впоследствии и было, но различіе специальностей насъ не разъединяло. Князь Шаховской былъ очень музыкаленъ, и мы иногда спускались изъ его учебной комнаты внизъ въ залу „музицировать“. Князь Шаховской бѣгло игралъ по слуху отрывки оперъ и вальсовъ и пѣлъ романсы. Старшихъ его братьевъ мы видѣли рѣдко: взрослые молодые люди—студенты на насъ, школьниковъ, глядѣли съ высока и рѣдко удостоивали своими разговорами. Зато старики относились къ намъ очень радушно и ласково. Князь Владимиръ былъ человѣкъ дореформеннаго вѣка; онъ когда-то служилъ на Кавказѣ, но не сохранилъ военной осанки: высокій, плотный, широкоплечій, совершенно лысый, съ большой окладистой сѣдой бородой и съ серебряной табакеркой въ рукахъ, онъ носилъ широчайшіе сюртуки и беззвучно ступалъ въ мягкихъ сапогахъ. Князь любилъ общество молодежи и, отличаясь неистощимымъ юморомъ, забавлялъ насъ часто своими анекдотами и смѣшными словечками. Онъ былъ большой любитель Русской музыки и самъ охотно пѣлъ съ нами хоромъ „Среди долины ровныя“ или высокимъ старческимъ фальцетомъ выводилъ строфы изъ романсовъ Варламова и Гурилева. Забывая слова своихъ любимыхъ пѣсень, князь записывалъ ихъ на отдѣльныхъ листочкахъ и носилъ въ бумажникѣ: когда, бывало, начнетъ пѣть подъ звуки рояля, то вынетъ изъ кармана листокъ и слѣдитъ за текстомъ романса. При этомъ происходили иногда забавныя недоразумѣнія: рояль играетъ напр. музыку къ романсу „На зарѣ туманной юности“, а князю попадаетъ въ бумажникъ листокъ съ словами: „Ты скажи, зачѣмъ душа дѣвица“, и онъ удивляется, отчего никакъ не можетъ попасть въ тактъ.

Добрѣйшая княгиня Александра Павловна души не чаяла въ своемъ мужѣ; всѣ мысли, всѣ заботы ея сосредоточивались на немъ. Дѣти ея (взрослые три сына) богатыри давно головой переросли свою тщедушную „мамашеньку“, и она, видимо, сторонилась отъ ихъ слишкомъ порывистыхъ ласкъ и затыкала уши, когда надъ ней раздавался ихъ раскатистый смѣхъ. Окруженная дома шумной мужской компаніей, княгиня любила уходить въ дальнюю комнату къ своему попугаю и прижавшись къ стѣнкѣ дивана и покуривая папиросу, раскладывала пасьянсъ, при участіи прожившей полвѣка въ домѣ экономки изъ дворянъ Анны Андреевны, а тѣмъ временемъ князь Владимиръ въ сосѣднемъ кабинетѣ игралъ „по маленькой“ пульку за пулкой съ своими постоянными партнерами: отставнымъ генераломъ Сорокинымъ, сосѣдомъ Милоховымъ и братомъ княгини—Александромъ Павловичемъ Ефремовымъ.

А. П. Ефремовъ жилъ у Шаховскихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Мы, мальчики, любили заходить къ нему въ кабинетъ и всегда заставляли его за работой: онъ цѣлыми днями сидѣлъ за переводомъ иностранныхъ сочиненій объ островѣ Мадагаскарѣ, которымъ особенно занимался. Этому отдаленному острову А. П. Ефремовъ посвятилъ всѣ послѣдніе годы своей жизни. Огромный, компилятивный трудъ его, къ сожалѣнію, остался неизданнымъ. Не думалъ ли А. П. Ефремовъ, что Мадагаскаръ можетъ сыграть немалую роль въ Индѣйскомъ океанѣ, какъ опорная морская база противъ Индіи *).

Въ шестидесятыхъ годахъ А. П. Ефремовъ, ученикъ знаменитаго Риттера, читалъ курсъ географіи въ Московскомъ университетѣ. Но если не ошибаюсь, кафедра эта почему-то была вскорѣ закрыта, о чемъ нельзя не пожалѣть. Оставшись не у дѣлъ, А. П. Ефремовъ доживалъ свой вѣкъ на Спиридоновкѣ, въ домѣ сестры, раздѣляя время между Мадагаскаромъ и семейною пулкой. Кабинетъ его былъ обращенъ въ библіотеку и сверху до низу заставленъ полками съ книгами; по срединѣ комнаты стоялъ огромный, заваленный бумагами и географическими картами письменный столъ, за которымъ старикъ работалъ. Свои черновики онъ писалъ на длинныхъ грифельныхъ доскахъ, а набѣло переписывалъ своеобразнымъ и мелкимъ какъ печать, но разборчивымъ почеркомъ, въ толстыя, тщательно разграфленныя тетради. Куда дѣвались вороха этихъ на диво-четкихъ рукописей, лежавшихъ на его письменномъ столѣ? По смерти А. П. Ефремова племянники его намѣ-

*) А. П. Ефремовъ † 6 февраля 1879 г. и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ.

ревались издать его трудъ, но, повидимому, не успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе. Впрочемъ, съ 1895 года Мадагаскаръ, занятый Французами, утратилъ для насъ всякій политическій интересъ.

Другой мой школьный товарищъ А. И. Пелопидасъ, съ которымъ я также былъ очень друженъ, жилъ въ Москвѣ у своего родственника Александра Петровича Петерсона, близкаго семьѣ Протасовыхъ и Буниныхъ, хорошо знакомаго Авдотьи Петровны Елагиной, Кирѣевскихъ и всего Московскаго кружка Славянофиловъ. А. П. Петерсонъ былъ одинокъ и снималъ маленькую квартиру подъ Новинскимъ, во дворѣ. Въ его скромно обставленныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ пахло сигарнымъ дымомъ и старыми книгами. Въ кабинетъ его висѣлъ, надъ диваномъ, прекрасный портретъ его матери-красавицы, въ золотой рамѣ, писанный масляными красками извѣстнымъ Русскимъ художникомъ Тропининымъ. Самъ Петерсонъ былъ въ то время уже лѣтъ восьмидесяти; онъ смотрѣлъ весьма дряхлымъ и говорилъ старческимъ голосомъ, пришептывая и шепелявя. Къ намъ выходилъ онъ рѣдко и былъ мало общителенъ, проводя время, главнымъ образомъ, за чтеніемъ богословскихъ и церковныхъ книгъ. Мы прозвали его „Мелхиседекомъ“, вѣроятно за его преклонныя лѣта, длинную, сѣдую бороду и хмурый, сосредоточенный видъ.

Лѣтомъ А. И. Пелопидасъ ѣздилъ въ деревню, къ матери, въ Тульскую губернію, въ родовое имѣніе Игнатьево, лежавшее на Окѣ, верстахъ въ 6 отъ извѣстнаго Мишенскаго, гдѣ родился поэтъ Жуковский. Въ лѣтнія вакансіи, будучи уже въ VII классѣ, я, по приглашенію Пелопидаса и его матери, ѣздилъ погостить на нѣсколько дней въ Игнатьево. Небольшое имѣніе это оказалось чрезвычайно живописнымъ, хорошо обставленнымъ для постоянного жительства лѣтомъ и зимою. Мать Пелопидаса, рожденная Азбукина, жила тамъ круглый годъ. Въ отличіе отъ Лукьянова *), которое служило намъ лишь дачею для двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, Игнатьево обладало совершенно городскимъ домомъ, гдѣ собраны были воспоминанія трехъ поколѣній. Въ одной изъ комнатъ въ шкапахъ съ зелеными занавѣсками хранилась прекрасная библіотека покойнаго отца Пелопидаса, составленная преимущественно изъ Французскихъ книгъ медицинскаго и литературнаго содержанія. Тамъ между прочимъ я впервые видѣлъ многотомныя прекрасно изданныя творенія Вольтера, энциклопедистовъ и герцога Сень-Симона.

*) См. главу IV-ую („Русс. Архивъ“ Октябрь 1911 г.).

Авдотья Петровна Елагина жила въ сельцѣ Уткинѣ съ своимъ сыномъ Николаемъ Алексѣевичемъ и съ дѣтьми сына Василия Алексѣевича. Мы поѣхали навѣстить старушку и застали ее въ просторной гостиной, въ Вольтеровскомъ креслѣ, съ бархатной скамейкой подъ ногами. Противъ нея на стѣнѣ въ богатой золоченой рамѣ висѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго въ натуральную величину; на лѣво открывалась дверь на стеклянную террасу, уставленную цвѣтущими растеніями. Авдотья Петровна вязала шерстью большой клубокъ, которой лежалъ у ней на колѣняхъ. Старушка казалась очень бодрою и живою; тонкіе пальцы ея быстро и безостановочно перебирали спицы. Блѣдное лицо въ мелкихъ морщинкахъ окаймлялось бѣлымъ рюшемъ кружевного чепца, на плечахъ лежала сѣрая „синелевая“ косынка. Мы поочередно поцѣловали ей руку, и на минуту присѣли у ней въ гостиной. Авдотья Петровна, узнавъ мою фамилію, спросила меня, не родственникъ ли я поэту Мицкевичу и, поговоривъ съ нами о портретѣ Жуковскаго, отпустила насъ пить чай на балконъ. Здѣсь я познакомился съ Василиемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, который смотрѣлъ старше своей матери; въ памяти у меня остались его близорукіе глаза, скрытые за темными очками, жидкая бородка, съ просѣдью и длинные ногти на пальцахъ А. Елагинъ былъ съ нами неразговорчивъ и молчаливо попивалъ чай изъ стакана и покуривалъ папиросу, изрѣдка обращаясь къ Пелопидасу съ короткими вопросами о лугахъ, посѣвѣ и другихъ хозяйственныхъ предметахъ. Послѣ чая мы ѣздили съ молодымъ Елагинымъ въ Мишенское и обошли тамошній паркъ; тамъ я видѣлъ деревянное небольшое строеніе, съ заколоченными окнами, гдѣ, по преданію жила привезенная Бунину плѣнная Турчанка, отъ которой родился Жуковскій.

Въ числѣ моихъ товарищей по гимназіи со мной былъ друженъ еще одинъ мальчикъ—Николай Гавриловичъ Галаховъ, также иногда посѣщавшій меня для совмѣстныхъ занятій. Онъ жилъ въ Москвѣ у Зоологическаго сада, въ домѣ дѣда своего съ материнской стороны Юліуса Лурй, банкира, на дочери котораго былъ женатъ первымъ бракомъ нашъ посланникъ въ Черногоріи Александръ Семеновичъ Юнинъ. У г-жи Юниной, временно проживавшей съ отцомъ, по вечерамъ собирались учащіеся въ Москвѣ Сербы, Черногорцы и Болгары. Бывали тамъ и члены Славянскаго Благотворительнаго Общества. Это было въ годъ войны за Сербскую независимость, и все Московское общество увлекалось Славянофильскимъ порывомъ. Собирались пожертвованія деньгами и вещами для добровольцевъ, щипали корпію для раненныхъ, устраивали литературно-музыкальные вечера, печатали сбор-

ники. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, подъ заглавіемъ „Братская Помощь“, принялъ участіе и я. Это былъ мой первый литературный опытъ: по порученію Комитета Славянскаго Благотворительнаго Общества я сокращенно перевелъ съ французскаго книжку Blanqui „Путешествіе по Болгаріи“. Печатанье моей статьи дало мнѣ возможность бывать въ Славянофильскихъ кружкахъ и видѣть главныхъ дѣятелей тогдашняго Московскаго отдѣла Славянскаго Общества, какъ то: И. С. Аксакова, Н. А. Часва, А. И. Кошелева, К. Н. Леонтьева и друг. На одномъ изъ вечеровъ, устроенныхъ въ пользу „Братьевъ Славянъ“ въ домѣ А. И. Кошелева, на Поварской, С. А. Юрьевъ¹⁾ читалъ переведенное имъ съ Черногорскаго стихотвореніе Князя Николая. Онъ читалъ превосходно и съ необыкновеннымъ жаромъ; глаза у него вспыхивали фосфорическимъ блескомъ, раскаты голоса потрясали всю аудиторию, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи. Послѣ каждой строфы героическаго стихотворенія Князя Николая, кончавшаго возгласомъ: „Здравствуй славный, храбрый мой народъ“, всѣ слушатели неистово аплодировали и кричали: „Живіо!“ Подъ конецъ Юрьеву устроена была восторженная овація.

Не менѣе горячо былъ встрѣченъ другой герой этого вечера К. Н. Леонтьевъ²⁾, котораго молодежь встрѣчала и провожала бурными аплодисментами.

Съ предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества И. С. Аксаковымъ я познакомился нѣсколько позже. Меня возилъ къ нему близко знавшій меня съ дѣтства Николай Михайловичъ Павловъ, написавшій „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, сотрудникъ Аксакова по изданію „Русь“ и сослуживецъ его по Московскому Купеческому Обществу Взаимнаго Кредита, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ предсѣдателемъ, а Павловъ членомъ правленія. Повезъ меня Павловъ къ Аксакову по слѣдующему поводу. Къ Аксаковымъ пріѣхала ихъ родственница изъ Самары съ сыномъ, котораго предполагалось помѣстить въ одно изъ Московскихъ учебныхъ заведеній. Аксаковъ, слыша отъ Павлова, жившаго тогда въ нашемъ домѣ, въ Хлѣбномъ переулкѣ, что я кончилъ гимназію съ золотой медалью, просилъ Николая Михайловича устроить такъ, чтобы я проэкзаменовалъ мальчика. Я охотно на это согласился и побѣхалъ къ Аксакову. Сынъ его родственницы оказался очень благовоспитаннымъ и способ-

¹⁾ Извѣстный переводчикъ Макбета и Короля Лира; самъ за свою необыкновенную наружность прозванный въ Москвѣ „Королемъ Лиромъ“.

²⁾ Скончавшійся схимникомъ въ Оптиной пустынѣ.

нымъ мальчикомъ, но слабымъ по математикѣ, и я посовѣтовалъ взять ему опытнаго преподавателя. Впослѣдствіи И. С. Аксаковъ, желая отблагодарить меня за потерянное время и совѣтъ, прислалъ мнѣ черезъ Павлова въ подарокъ портфель, который и понынѣ у меня хранится.

Наблюдая за своими сверстниками по гимназіи, я часто думалъ, какъ было-бы хорошо, если бы всѣ они учились одинаково успѣшно и если бы не было ни балловъ, ни экзаменовъ. Впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, я не разъ останавливался на этой мысли и пришелъ къ заключенію, что она была далеко не утопична. Педагоги наши занимаются, главнымъ образомъ, спрашиваніемъ уроковъ, выработкою учебныхъ плановъ и составленіемъ учебниковъ, но мало интересуются методикой преподаванія. Мѣняются программы и книги, а система обученія остается одна и таже. Какъ наши отцы, такъ и наши дѣти тянутся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ искусственно на слишкомъ сложныя требованія: три живыхъ и два мертвыхъ языка, пять математическихъ наукъ (арифметика, алгебра, геометрія, тригонометрія и физика), всемірная исторія отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, всемірная географія и проч. все это нужно усвоить ребенку въ возрастѣ отъ 11 до 18 лѣтъ, когда мозгъ его еще не сложился и нервы не окрѣпли. Рядомъ съ этимъ никакого, или почти никакого вниманія не обращается на физическое развитіе дѣтей. Не тѣмъ ли слѣдуетъ объяснить увеличивающуюся болѣзненность современныхъ поколѣній и склонность нашей интеллигенціи къ вырожденію? Необходимо оздоровить нашу среднюю школу сокращеніемъ ея программы, уменьшеніемъ продолжительности курса, введеніемъ въ обязательные предметы преподаванія физическаго труда и воспитательныхъ игръ, наконецъ измѣненіемъ устарѣлаго порядка экзаменовъ, при которыхъ главная доля успѣха выпадаетъ на смѣтливость и удачу.

Переходные и выпускные экзамены, вмѣсто того, чтобы быть радостнымъ праздникомъ учащихся и учащихся, сводились у насъ къ сплошному мучительству и для тѣхъ, и для другихъ. Вспоминаю съ горечью свой выпускной экзаменъ. При круглыхъ годовыхъ пятеркахъ по всѣмъ предметамъ (при пятибалльной системѣ) мнѣ, тѣмъ не менѣе, пришлось въ теченіи цѣлаго мѣсяца заниматься по 14—15 часовъ въ день, а наканунѣ испытаній по главнымъ предметамъ, засиживаться за книгой до 4 часовъ утра. Не удивительно ли поэтому, что по окончаніи курса ученики устраиваютъ своимъ учебникамъ „ауто-да-фе“, или безпощадно топятъ ихъ. Сколько молодыхъ силъ, сколько здоровья и умственной энергіи тратится даромъ! При окончаніи курса

гимназіи, я, какъ и мои товарищи, похуѣлъ и почернѣлъ, ходилъ съ воспаленными глазами и сухимъ ртомъ, терялъ въ вѣсѣ и часто засыпалъ сидя: стоило на минуту закрыть глаза. Но за то какое наслажденіе бывало послѣ такихъ трудовъ, ѣхать на полевой отдыхъ въ Лукьяново. Экзамены кончались поздно, около 20 Іюня, лѣто бывало уже въ полномъ разгарѣ и я пріѣзжалъ въ деревню, когда начинался сѣнокосъ.

Мы еще дѣтьми любили принимать участіе въ уборкѣ сѣна. Весело ходить съ граблями и собирать въ ряды, копешки и копны душистое, легкое сѣно. Еще веселѣй навивать его на воза въ обществѣ бойкихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, разряженныхъ по праздничному. Но не столько интересовали меня деревенскія красавицы, какъ пріѣзжавшая къ намъ въ Лукьяново погостить молоденькая кузина наша, Оленька Розова, прелестная, бѣлокурая дѣвочка, года на три моложе меня. Оленька была внучкой Степана Ивановича Розова, родного брата нашего дѣда Александра Ивановича *). О Степанѣ Ивановичѣ я многое слышалъ отъ бабушки Юліи Федоровны. Онъ былъ кореннымъ помѣщикомъ и безвыѣздно жилъ съ семьей въ своемъ имѣніи въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Небольшое имѣніе это, десятины въ 300, давало скромные доходы, но славилось своимъ благоустройствомъ. У дома разбиты были цвѣтники розъ и шиповника, къ берегу Москвы-рѣки вели тѣнистыя, усыпанныя пескомъ дорожки, въ фруктовомъ саду водились разнообразнѣйшія породы ягодъ, въ домѣ все блестяло чистотой, на скотномъ дворѣ стояли отличныя коровы и сытыя лошади. Всѣмъ домоводствомъ Степана Ивановича завѣдывала родственница его жены Марія Борисовна Шереметьева, выведившая, не знаю на сколько основательно, свой родъ отъ графовъ Шереметевыхъ. Она была отличной хозяйкой и умѣла вести домъ, такъ, что хлѣбосольство Степана Ивановича стало извѣстнымъ во всемъ уѣздѣ. Жилось у него весело и привольно; сосѣди часто съѣзжались на обѣды и праздники Степана Ивановича. Но съ отиѣной крѣпостного права прежнее довольство скоро исчезло; умеръ и самъ Степанъ Ивановичъ. Имѣніе было раздѣлено между двумя его сыновьями Иваномъ и Михаиломъ; безродная дѣвица Марія Борисовна, считавшая еще недавно неприличнымъ подать на столъ разъ зажженные свѣчи или остывшій бѣлый хлѣбъ (въ тѣ времена бѣлый хлѣбъ пекли у помѣщиковъ дома и подавали теплымъ) осталась на попеченіи двухъ дочерей Розова—Катерины Степановны и Маріи Степановны. Въ семьѣ пошли нелады и раздоры изъ-за

*) См. главу I („Русск. Архивъ“ Май 1908 г.).

наслѣдства; многочисленная дворян разошлась. Наступило помѣщичье оскудѣніе, особенно тяжело отразившееся на семьѣ младшаго сына Степана Ивановича—Михаила. Старшій—Иванъ поправилъ свое состояніе, благодаря женитьбѣ на дочери помѣщика Глинки; при томъ у него была единственная дочь—Евгенія, вышедшая впоследствии замужъ за г. Трусевича, помѣщика Тверской губ. а у Михаила Степановича было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери, младшая изъ нихъ, вышеупомянутая кузина наша Оленька, учились въ Москвѣ, въ институтѣ, и часто гостила у насъ въ городѣ по праздникамъ, а лѣтомъ въ Лукьяновѣ. Съ Оленькой Розовой связывала меня чистая, юношеская любовь, и хотя пути наши вскорѣ разошлись, но дружескія, сердечныя отношенія сохранились до послѣдняго времени.

Москва.

